

Заикин В.А. Динамика индивидуальных моральных суждений в контексте групповой дискуссии

English version: [Zaikin V.A. The dynamics of individual moral judgments in the context of group discussion](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются характеристики субъекта, опосредующие групповое влияние и особенности функционирования группы в ситуации необходимости принятия группового морального решения. Выборка: 86 студентов в возрасте от 18 до 24 лет. Отмечается, что в ходе групповых дискуссий участники с более высоким уровнем развития индивидуального морального сознания гораздо легче регрессируют, нежели повышают свой уровень индивидуального морального сознания. Показано, что в ситуациях столкновения индивидуальных позиций участники групповых дискуссий проявляют ограниченную рациональность, склонность к оппортунизму и пассивность. Содержательно анализируется проявление данных черт в ситуации принятия группового морального решения.

Ключевые слова: психология морали, моральное решение, дискуссия, групповое моральное решение, ограниченная рациональность, склонность к оппортунизму, пассивность

В современной психологии морали одной из центральных проблем является проблема субъекта морального решения. Еще не более полувека назад бесспорной казалась точка зрения, согласно которой тот или иной моральный выбор человека определяется уровнем развития его индивидуального морального сознания. Однако сегодня это положение уже не представляется столь однозначным. Особенно очевидным становится дефицит социально-психологических знаний о том, как меняется индивидуальное моральное суждение в контексте группового влияния, какие когнитивные характеристики субъекта опосредуют сам факт этого влияния и, наконец, как функционирует группа в целом, оказавшись в ситуации необходимости принятия группового морального решения.

В данной статье рассматриваются качественные различия уровней группового и индивидуального принятия моральных решений. Предпринимается попытка апробации черт группового субъекта морального решения.

Проблема групповых моральных решений в социальной психологии

Безусловно, что групповые решения как таковые, будучи одним из традиционных сюжетов социальной психологии, часто становились предметом пристального анализа многих исследователей, но интерес к групповым решениям в контексте психологии морали, по сути, только

начинает проявляться. И это несмотря на то, что необходимость подобных исследований постулировалась уже достаточно давно. Так, еще М.Шоу в одной из фундаментальных работ, посвященной процессам групповой динамики, обосновывая методологическую возможность изучения групповых моральных решений, с сожалением отмечал их полную эмпирическую нереализованность [Show, 1981]. Однако с момента публикации работы М.Шоу ситуация практически не изменилась [Кричевский, Дубовская, 2001].

Анализ того, почему исследователи закономерностей групповых дискуссий столь неохотно использовали в качестве задач, требующих группового решения, задачи морального выбора, является отдельной и крайне интересной темой. Одной из главных причин такого досадного пробела представляется то, что главной тенденцией всей психологии морали являлся поиск моральных универсалий, свойственных различным большим социальным группам (этническим, культурным и др.). При этом мерой и единственным носителем этих универсалий представлялась социализированная личность, но не конкретная группа членства [Kohlberg, Levine, Hewer, 1983]. Другой тенденцией, препятствующей анализу группового уровня морального функционирования, являлась определенная идеализация субъекта морального выбора, сложившаяся в данной традиции: ему негласно приписывались такие свойства, как абсолютная рациональность, предрасположенность к моральному поведению и активность. Остановимся на этом подробнее.

Так, признанный лидер в области исследования морального функционирования – когнитивный подход, базирующийся на положениях известной концепции Л.Колберга, – апеллирует не к реальному, а, скорее, к идеальному субъекту морали, лишенному многих человеческих качеств. Представляется, что именно этот факт вызывает основные противоречия в эмпирических исследованиях морального функционирования.

Прежде всего, в рамках большинства исследований колбергианской и пост-колбергианской школы субъект морального выбора и суждения представляется абсолютно рациональным. Так, исследователи данного направления считают, что если человек, находящийся на более низкой стадии морального развития, выслушает все возможные доводы и рациональные доказательства, то он переосмыслит основания своих моральных суждений, и его уровень морального развития повысится. Между тем сегодня в рамках многих гуманитарных наук можно найти весомые контраргументы подобному пониманию человека, который предстает перед нами если и не как полностью иррациональный, то уж точно как *ограниченно рациональный*.

Интересно, что к подобному пониманию субъекта того или иного социального выбора приходят не только психологические и социально-психологические, но и экономические теории. Так, Г.Саймон в 1978 году, рассуждая об основаниях потребительского выбора, представил свои выводы о том, как обычные люди выбирают себе супруга, и сравнил модель поведения абсолютно и ограниченно рационального субъекта. Абсолютно рациональный субъект имеет представления обо всех возможных партнерах и их мотивах, при этом совершенно лишен чувств и ориентируется только на то, соответствует ли будущий супруг «идеальной модели». На основании теоремы «идеального супруга» и других примеров Г.Саймон делает вывод о том, что люди не обладают способностями к обработке всей полноты поступающей к ним информации, и, следовательно, они всегда ограниченно рациональны [Саймон, 1993].

Но, конечно, наиболее последовательно представления об абсолютной рациональности субъекта могут быть критически переосмыслены с позиций психологии социального познания. Из основных положений данной области социальной психологии хорошо известно, что человек не может быть абсолютно рациональным. Как пишет Д.Майерс, «изысканный анализ несовершенства нашего мышления уже сам по себе является данью человеческой мудрости» [Майерс, 2011, с. 149]. Наибольшую погрешность в процесс социального познания вносит влияние социального контекста и группы [Андреева, 2005].

Второй чертой реального субъекта морального решения, как представляется, является *склонность*

к оппортунизму. В колбергианском подходе к психологии морали утверждается, что человек не может регрессировать от более высокой стадии морального сознания к более низкой. Однако в социальной психологии существуют множественные примеры, когда групповое решение оказывало значимое влияние на характер индивидуального решения и при этом как повышало его качество, так и, наоборот, снижало его [Зимбардо, Ляйппе, 2011]. Однако, как правило, изучение этих фактов не затрагивало моральных решений группы, а также их влияния на индивидуальный уровень морального функционирования субъекта.

В экономической теории склонность человека к оппортунизму обосновал Дж.Акерлоф на основе анализа рынков с несимметричным распределением информации [Акерлоф, 1994]. Это положение окончательно сформулировал О.Уильямсон, определив оппортунистическое поведение в ситуации потребления как «склонность при прочих равных условиях для достижения большего количества благ применять средства хитрости и коварства, или тип поведения, не обремененный нормами морали» [Уильямсон, 1995, с. 43]. В рамках нашего исследования нас интересует то, насколько уровень индивидуального морального развития является устойчивым к влиянию группы и действительно ли люди не склонны поддерживать более низкий уровень своих моральных суждений, даже если им это выгодно с точки зрения динамики своего внутригруппового статуса.

Третьей «точкой расхождения» является вопрос активности / пассивности реального субъекта морального суждения. В когнитивном подходе к моральному функционированию утверждалось и утверждается, что человек всегда направлен на поиск новой информации с целью повышения уровня своего морального сознания и формулировку всеобщих принципов нравственности. Однако в психологии социального познания достаточно давно существует противоположный этому тезис. Так, еще в теории когнитивного диссонанса Л.Фестингера утверждалось, что люди наиболее пассивны в поиске той информации, которая противоречит их представлениям, ведь их главной целью является достижение «когнитивного баланса» [Фестингер, 2000]. Г.М.Андреева приводит обобщенный анализ более близкого к нашим дням мета-исследования К.Гергена на эту же тему. Он проанализировал основные стратегии познавательной активности субъектов, описанные в литературе, и провел ряд собственных исследований, в результате чего делает вывод, что люди вообще не склонны к поиску новых данных, а скорее стремятся к подтверждению своих исходных убеждений. Особенно выделяется тип «когнитивный скряга», который вообще не склонен к познавательной активности после того, как его представления достигли информационного баланса [Андреева, 2005].

В современных экономических теориях пассивность субъекта интерпретируется как склонность делать как можно меньше из того, что необходимо (например, выполнять свои производственные обязанности) [Аузан, 2011]. Так, например, Д.Болховер, американский специалист по менеджменту, среди прочих данных приводит результаты исследования, свидетельствующие о том, что 70% посещений порносайтов в США осуществляется в период с десяти утра до пяти вечера, то есть в рабочее время. Это согласуется с данными исследования Министерства труда и пенсионного обеспечения США, согласно которым в период первых восьми месяцев 2004 года их сотрудники посетили в рабочее время 2,3 миллиона страниц порнографического содержания [Болховер, 2006]. Однако общий кризис трудовой мотивации, как считает А.Аузан, еще не обнаружил себя полностью, и необходимы дополнительные исследования и идеи для его преодоления [Аузан, 2011]. В данном исследовании нас интересует, действительно ли люди склонны ориентироваться на новую информацию в рамках групповой дискуссии или же склонны к отстаиванию своей позиции и игнорированию новых аргументов.

Описанные выше характеристики субъекта морального суждения свидетельствуют о возможности альтернативных подходов к моделированию и интерпретации поведения человека в ситуации морального решения. Но в целом они не являются принципиальным нововведением для социальной психологии, будучи имплицитно представлены во многих концепциях, и наша цель – лишь акцентировать на них внимание как на возможных объяснительных механизмах поведения человека в контексте выработки и принятия группового морального решения.

Методы

Гипотезы исследования. Цель эмпирического исследования состояла в изучении коммуникативного поведения реального субъекта в ходе групповой дискуссии и в процессе принятия группового морального решения.

Проверялись две концептуально обоснованные альтернативные гипотезы:

1. Уровень морального развития является устойчивой структурой личности и не зависит от влияния группы.
2. В ситуации групповой дискуссии и необходимости принятия группового морального решения участники проявляют в своих суждениях ограниченную рациональность, склонность к оппортунизму и пассивность.

Выборка. Выборку исследования составили группы студентов, обучающихся по психологическим специальностям в различных вузах Москвы. Выбор данного объекта исследования определялся тем, что наиболее интересной задачей нам представляется изучение процесса принятия морального решения именно в реальных группах, которые имеют, с одной стороны, устоявшиеся системы внутригрупповой коммуникации, а с другой стороны, их обычная групповая деятельность не связана с процессом принятия решений. Выбор в качестве респондентов студентов-психологов был связан также и с тем, что еще Л.Колбергом и его коллегами была замечена связь уровня развития морального сознания с областью профессиональной специализации [Rest, Thoma, 1985; Rest, Narvaez, 1991].

В исследовании приняли участие 86 человек, члены шести реальных студенческих групп, из них 35% мужчин и 65% женщин в возрасте от 18 до 24 лет, средний возраст респондентов составил 21,9 года.

Диагностические методы. Для определения уровня развития индивидуального морального сознания использовалась *методика оценки уровня развития морального сознания личности Л.Колберга* [Colby, Kohlberg, 1987], в адаптации Л.И.Анциферовой [Аузан, 1999]. Исходно методика представляет собой набор из 9 моральных дилемм, которые предлагаются для решения респонденту; возможны устный (в форме интервью) и письменный опрос с открытыми ответами.

В виде письменного интервью каждая из девяти дилемм является самостоятельным диагностическим инструментом и позволяет с высокой долей вероятности определить уровень развития морального сознания человека, ее решающего. Нами был выбран этот вариант, а в качестве решаемой моральной дилеммы – наиболее структурированная и комплексная «дилемма Хайнца», самая распространенная при оценке уровня развития морального сознания как в когнитивном подходе [Snarey, 1985], так и в других направлениях психологии морали [Lapsley, 1996]. При определении уровня развития морального сознания мы исходили из устоявшейся в пост-колбергианской исследовательской школе версии пяти стадий морального развития [Chi, Ceci, 1987].

Наряду с этим использовался *метод групповой дискуссии*, который является классическим методом воздействия в социальной психологии, имея своей целью актуализацию коммуникативного процесса между членами группы, обмен мнениями и сопоставление суждений, оценок, ценностей и идей между участниками данного процесса. Как известно, эффективность применения метода групповой дискуссии зависит не от характера конкретной коммуникации, которая может представлять собой взаимоисключающий или взаимодополняющий индивидуальные позиции спор или, напротив, взаимно развивающий диалог, а от тех условий и коммуникативных действий участников, в рамках которых протекает дискуссия.

Отдельного внимания заслуживает *метод принятия группового решения*. Мы опирались на

доминирующее в отечественной социальной психологии понимание группового решения как задачи совместной коммуникативной деятельности (дискуссии), при которой группе понятны критерии оценки общего решения и тот тип решения, которого требуется достичь [Бовина, 2002].

В данном исследовании нам был интересен вердикт, который требует единого группового решения. Требования именно этого типа группового решения заставляют участников в ходе дискуссии в максимальной степени эксплицитировать свои индивидуальные позиции, что позволяет более четко проследить динамику индивидуальных суждений в ходе групповой дискуссии. Решения данного типа не могут считаться простой суммой большинства или меньшинства, а представляют собой результат группового анализа проблемы.

В качестве дополнительного метода, позволяющего получить данные об особенностях внутригрупповой структуры, использовался *метод социометрии*.

Процедура. Исследование проводилось в два этапа: 1) сбор данных об уровне развития индивидуального морального сознания респондентов – будущих участников дискуссий, 2) изучение процесса принятия группового морального решения.

Мы остановились на квазиэкспериментальном подходе к проведению эмпирического исследования. Данный подход, как указывает Т.В.Корнилова, ограничивает степень контроля за зависимой и побочными переменными, но позволяет сохранять экологическую валидность, поскольку допускает проведение измерений в реальных, уже сформировавшихся группах [Корнилова, 2012].

Обоснования выбора данного подхода к исследованию заключаются в следующем.

Во-первых, моральное функционирование группы относится к сложным процессам, которые теряют свою специфику в лабораторных условиях, поэтому выбранная нами форма наиболее адекватно соответствует изучаемому процессу.

Во-вторых, для снижения угрозы валидности выводов мы считали необходимым скрыть от респондентов подлинные цели эксперимента, объяснив им цель как развитие коммуникативных навыков и обучение аргументированному отстаиванию своей позиции.

В-третьих, как указывает Дж.Кемпбелл, для проверки тех влияний, которые имеют своим источником не внешние воздействия, а внутренние, субъективные условия (в нашем случае – уровень развития индивидуального морального сознания), становится возможным варьировать только формы внешней организации (такие как характеристики группы, тип групповой задачи, количество участников и т.д.) [Кэмпбелл, 1996].

В-четвертых, в рамках квазиэксперимента возникает возможность решить поисковые исследовательские задачи и смягчить противоречие между анализом и контролем. Главной поисковой задачей нашего исследования является выделение эмпирических референтов черт: ограниченной рациональности, склонности к оппортунизму и пассивности, к которым на данном этапе развития научного знания строго категоризованная схема наблюдения неприменима.

Типом измерения показателей в данном исследовании являлся бинарный контроль, или контроль «до» и «после». Форма контроля «до» состояла в измерении индивидуального уровня развития морального сознания. Контроль «после» заключался в анализе качества группового морального решения, коммуникативной структуры группы и повторном измерении индивидуального уровня развития морального сознания.

Межгрупповые сравнения основывались на том, что экспериментальным и контрольным группам предлагались равные условия взаимодействия, а разность их поведения объяснялась независимой переменной и побочными переменными [Корнилова, 2012]. Необходимым дополнением анализа

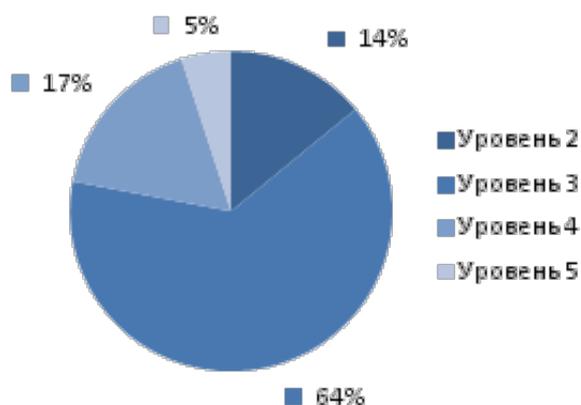
данных являлось применение методов статистической обработки, оценки качества распределения, сопоставление показателей при помощи матрицы сходств и др.

Таким образом, в нашем исследовании независимыми переменными являются индивидуальный уровень развития морального сознания и количество членов группы; зависимыми переменными – качество группового морального решения, требуемый тип группового решения; побочными переменными выступают такие характеристики субъекта, как ограниченная рациональность, склонность к оппортунизму и пассивность.

Методы анализа данных. С целью обработки количественных данных и анализа надежности выявленных закономерностей применялись методы описательной статистики, а также тест Колмогорова–Смирнова для проверки формы распределения. Использовался пакет статистических программ SPSS 17.0.

Результаты

Прежде всего, обратимся к данным распределения индивидуального уровня развития морального сознания по всей выборке (см. рис. 1). Большинство наших респондентов обладало третьим (эгоистическим) уровнем развития моральных суждений.

Рис. 1. Доля респондентов с разным уровнем развития морального сознания (%).

Как можно заметить, распределение индивидуальных уровней развития морального сознания в изучаемой выборке значительно отличается от нормального (по критерию Колмогорова–Смирнова, $p < 0,028$). Поскольку уровень развития морального сознания относится к порядковому типу шкал, применение данной процедуры оправдано. Но, что более важно, это позволяет прояснить теоретическое положение стадийной теории о том, что уровень морального развития связан с возрастом респондентов.

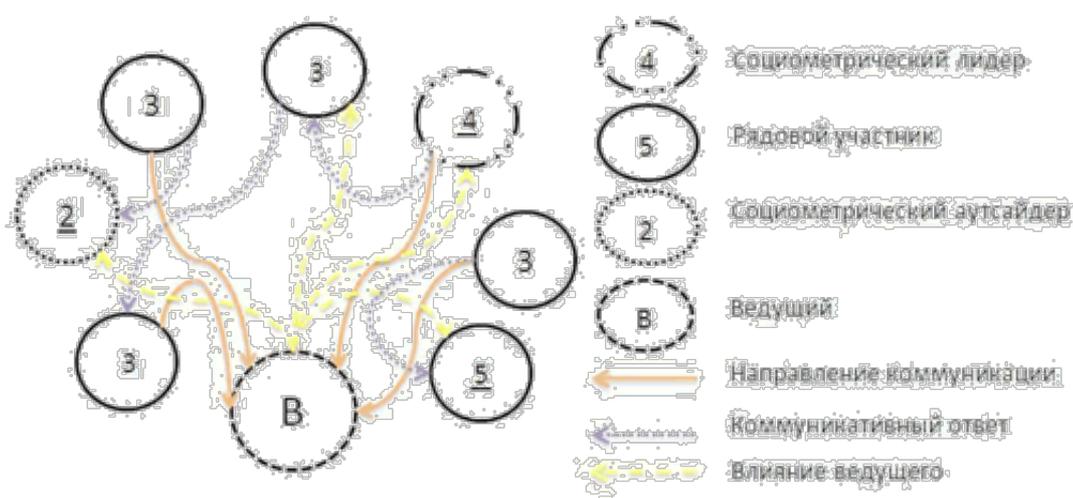
Во-первых, развитие морального сознания резко смещено в сторону первой трети онтогенеза, приблизительно от 5–6 лет до 16–21 года [Snarey, 1985]. Наша выборка состояла преимущественно из респондентов, находящихся в возрасте от 19 до 22 лет, поэтому распределение уровня развития морального сознания в данной совокупности не должно соответствовать нормальному распределению, особенно при учете того факта, что развитие морального сознания может продолжиться и в последующий период жизни респондентов [Colby, Kohlberg, 1987].

Во-вторых, моральное сознание является качественной характеристикой личности, и стандартизация ее оценки имеет лишь описательно-констатирующий характер, поэтому стандартные статистические критерии распределения данной характеристики в генеральной

совокупности не являются в полной мере валидным статистическим критерием [Lapsley, 1996].

Через две недели после замера индивидуальных уровней развития морального сознания респонденты принимали участие в групповом обсуждении дилеммы Хайнца. Ведущим было поставлено условие, что решение группы должно быть единогласным, то есть его должны разделять все участники дискуссии. Роль ведущего в обсуждении была выбрана как компромиссная, так как, с одной стороны, он задавал формат ведения дискуссии, ее цель, тип группового решения, а с другой – не вмешивался в процесс обсуждения, оказывая только фасилитирующее влияние на участников или на ход группового обсуждения.

Первая фаза дискуссии, ориентировочная, была организована так, что участники в свободной форме высказывали свои суждения и обосновывали свой выбор. Первоначально участники были ориентированы только на диалог с ведущим, что отражено на схеме первой фазы. Но когда удавалось получить достаточное количество противоречивых позиций участников с различными уровнями развития морального сознания, ведущий переключал аргументацию участников друг на друга. В результате часто из рядовых членов группы выделялся модератор, занимающий доминирующую коммуникативную позицию и подводивший предварительные итоги (например, в группе 6 и в группе 1 – см. рис. 2).

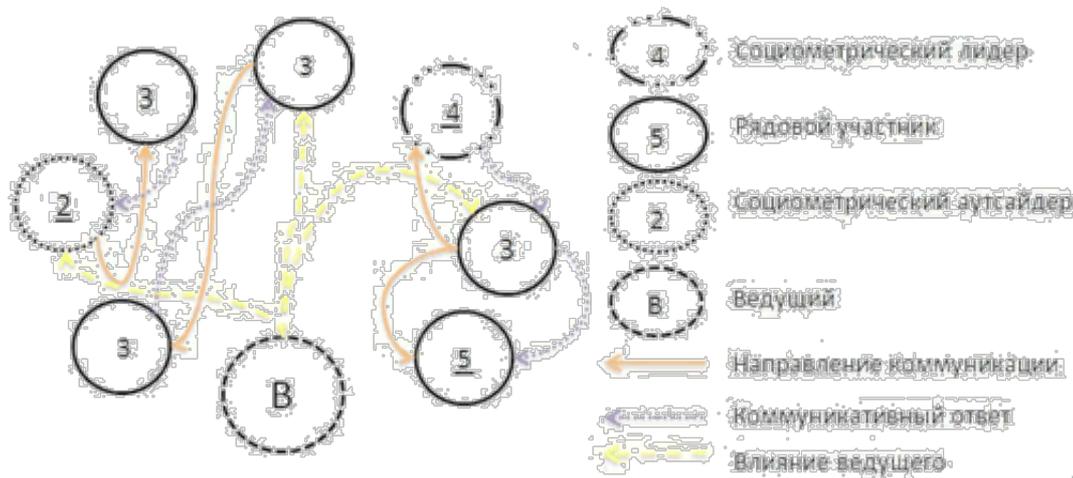

Рис. 2. Схематическое изображение первой фазы групповой дискуссии.

Целью ведущего на данной фазе было создание благоприятных психологических условий для ориентировки участников в представлениях друг друга и для первичной аргументации своей позиции. Данная фаза считалась завершенной, когда все участники высказали свое отношение к обсуждаемой дилемме.

Вторая фаза групповой дискуссии была целиком сосредоточена на аргументации участниками своей позиции. Задачей ведущего на данном этапе было акцентировать максимально возможное выражение различных точек зрения и способствовать установлению диалогов в группе.

Участники в свободной форме высказывали свои суждения о том, что должен делать Хайнц, влияет ли на его решение то, что он, возможно, не любит свою жену, должен ли он украсть лекарство, если умирает чужой ему человек, и т.д. Например, участник говорил, что «Хайнцу следует украсть лекарство, только если есть вероятность, что это в 100% поможет его жене, в альтернативном случае рисковать не имеет смысла». Это вызвало возражение другого участника, находящегося на более высоком уровне морального сознания: «Если есть хоть малейшая возможность, должен украсть». Коммуникативная активность единого модератора на этой фазе дискуссии заметно снижалась (см. рис. 3).

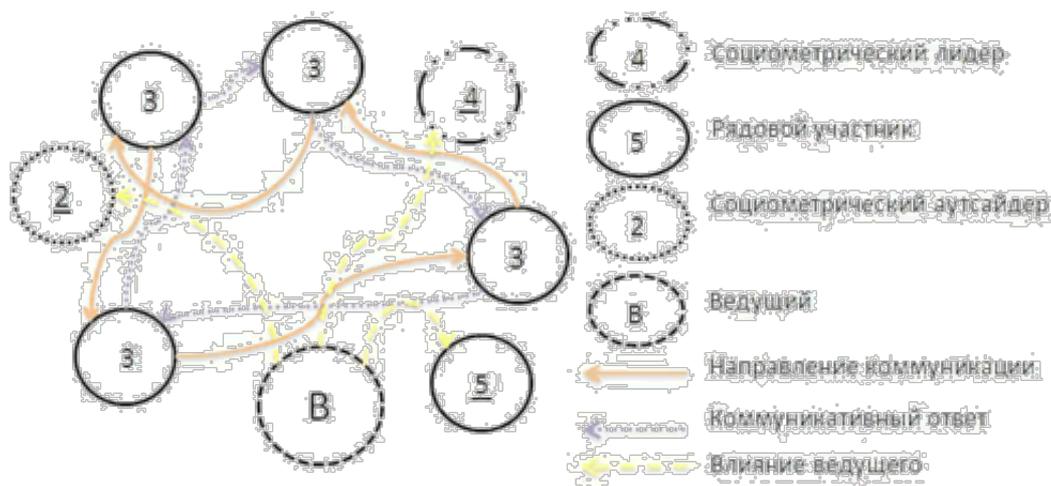

Рис. 3. Схематичное изображение второй фазы групповой дискуссии.

Данная фаза считалась завершенной, когда в группе начинался активный процесс поляризации мнений, который делил участников на две подгруппы по сходству индивидуальных моральных решений.

На *третьей фазе дискуссии* можно было наблюдать, как участники, до этого не имевшие склонности взаимодействовать друг с другом, обнаруживали сходство своих индивидуальных моральных позиций и начинали активно формировать общее моральное решение. Задачей ведущего было акцентировать противоречия среди участников, находящихся на разных уровнях развития индивидуального морального сознания. Например, участник, находящийся на конвенциональном уровне, отстаивал мнение, что Хайнц не должен понести никакого наказания за кражу. Это находило поддержку у значимого большинства в группе, но ведущий напомнил группе о том, что другой участник до этого высказывал суждение об ответственности перед законом, и дискуссия возобновилась.

Результатом подобных коммуникативных ситуаций становилось обострение противоречий среди участников, и в итоге те, кто обнаруживал свою «моральную совместимость», начинали более слаженно отстаивать разделяемую точку зрения, образуя подгруппы (см. рис. 4).

Рис. 4. Схематичное изображение третьей фазы групповой дискуссии.

Отдельной задачей ведущего на данной фазе групповой дискуссии было постоянно напоминать группе все высказанные ранее аргументы «за» или «против» предлагаемого решения, что было необходимо для избегания феномена группомыслия [Зимбардо, Ляйппе, 2011].

Четвертая фаза дискуссии характеризовалась очень напряженными спорами участников. Участники с высоким индивидуальным уровнем морального сознания начинали приводить крайние, нередко не совпадающие с содержанием исходной моральной дилеммы, суждения: например, что каждый имеет право грабить, если это вопрос спасения жизни грабителя. Участники со средним уровнем морального развития были более других склонны к компромиссу: Хайнц должен украсть лекарство, только если любит свою жену, и не должен понести наказание за это. Участники с более низким индивидуальным уровнем морального развития соглашались, что закон не является абсолютной ценностью, и из него возможны исключения. Например, один из участников поделился своим опытом работы волонтером в хосписе, высказав суждение, «что рядом, до конца, остаются всегда только те, кто по-настоящему любит, и тогда они готовы на все». Схематическое изображение сложных диалогов между отдельными участниками и подгруппами на этой фазе дискуссии дано на рис. 5.

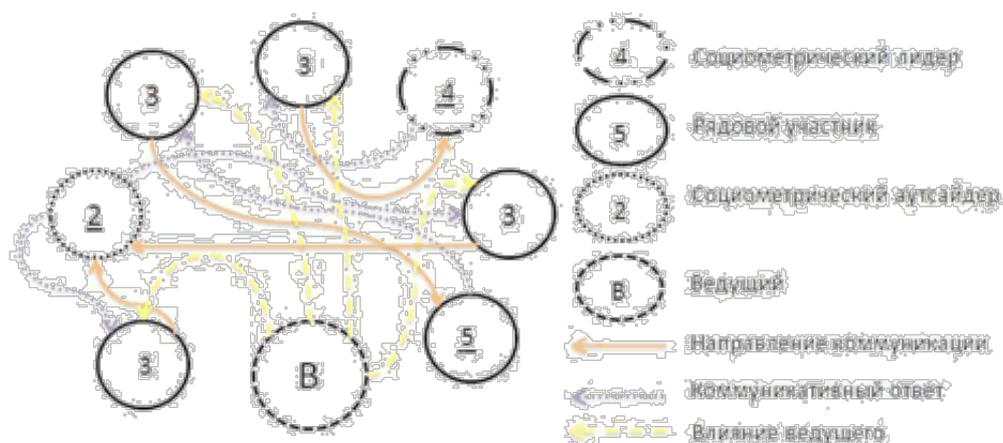

Рис. 5. Схематическое изображение четвертой фазы групповой дискуссии.

Данная фаза считалась завершенной, когда наступал процесс сравнения основных элементов морального решения внутри группы и поиск общегруппового компромисса. Далее следовало собственно принятие группового морального решения.

Прежде чем перейти к описанию принятых групповых моральных решений, подчеркнем, что в целом все дискуссии отличались высокой степенью заинтересованности и включенности участников. Стоит отметить, что отказов от участия ни до, ни во время проведения дискуссий не было. В ряде случаев эмоциональное напряжение в группах было ярко выражено, участники демонстративно утрировали логику своих оппонентов, использовали угрозы, символически изображали сцены убийства и т.п. Переход от фазы к фазе дискуссии фактически не требовал значимого вклада со стороны ведущего и происходил по инициативе участников.

В результате групповых дискуссий из шести групп к единому групповому решению моральной дилеммы пришли четыре. Принятое единое моральное решение в этих группах соответствовало третьему, эгоистическому, уровню развития морального сознания, что можно было оценить по структурным элементам решения. Оно было сформулировано группами следующим образом: *Хайнц должен украсть лекарство, только если любит свою жену и не должен понести наказание за этот поступок.*

Очевидно, что подобное групповое решение вступало в противоречие с исходными индивидуальными моральными выборами участников в двух случаях: во-первых, когда

первоначально участник демонстрировал более низкий индивидуальный уровень морального сознания (а именно второй), и, во-вторых, когда исходно участник придерживался более зрелой моральной позиции, демонстрируя четвертый или пятый уровень. Поэтому наиболее интересной для нас была динамика мнений именно таких участников.

В целом подчеркнем, что изменение суждений участников исходно высоких уровней морального сознания происходило значительно быстрее и проще, нежели изменение суждений участников более низкого уровня развития морального сознания. Иными словами, в ситуации групповой дискуссии мы наблюдали множественные примеры морального регресса участников.

Конкретные способы аргументации и сам процесс изменения индивидуальной моральной позиции в ситуации выработки группового решения протекал при этом по-разному.

Так, например, один из участников на аргументы, что Хайнц не должен красть лекарство, потому что его посадят, апеллировал к тому, что события дилеммы происходят не в двадцать первом веке, и многие участники с более высоким уровнем развития морального сознания с ним согласились. По существу, суждение, что описанные в дилемме события происходят не в наши дни, не изменяет ее морального содержания, что, очевидно, невозможно не понимать. Представляется, что согласие со столь незначимым доводом может быть ярким примером в пользу того, что когнитивные аргументы зачастую бессильны перед моральными интуициями.

В другом случае участник, исходно находящийся на пятом уровне морального развития, довольно долго не поддерживал мнение остальных, что Хайнц должен украсть лекарство только в том случае, если любит свою жену, апеллируя к тому, что жизнь каждого человека бесценна. Но в ситуации провокативного вопроса, как бы он сам поступил в подобной ситуации, он неожиданно быстро согласился с таким ситуационным аргументом и в дальнейшем поддерживал эгоистическое решение группы.

Интересны примеры взаимозависимости изменений моральных позиций у участников с низкими и высокими уровнями морального развития. Так, участник второго уровня индивидуального развития морального сознания крайне активно защищал позицию аптекаря, сравнивая продажу лекарств и конфет. Аргументы других участников о том, что лекарство, которое может спасти жизнь человека, – не товар, а достоинство человечества, поначалу не имели значимого эффекта. Но когда с течением дискуссии моральный регресс стал проявляться у участников с более высокими уровнями морального развития, он быстро изменил свою позицию, объясняя это тем, что если так сильно любишь, что даже забываешь самого себя, то можно украсть и вообще сделать все что угодно. Интересно, что именно его формулировка легла в основу группового решения.

Иногда можно было наблюдать, как низкий уровень развития морального сознания всего у одного члена группы значимо препятствовал остальным достигнуть единого морального решения. Так, в ходе одной из дискуссий участник низкого уровня развития морального сознания настаивал, что Хайнц не должен понести наказание за свой поступок, хотя все остальные члены группы исходно были едины в том, что какая-то ответственность должна быть, поэтому пусть и формальное, но наказание для Хайнца будет справедливо. Довольно долгое противостояние этого участника и группы привело к тому, что постепенно с течением дискуссии часть группы согласилась, что наказания может и не быть, после чего даже участники пятого уровня развития морального сознания быстро солидаризовались с этим решением.

Однако, как уже отмечалось выше, были две группы, которые не пришли в ходе дискуссий к единому групповому решению. В обоих случаях причиной этого явилось формирование устойчивых диад из участников с низким уровнем развития морального сознания, которые фактически отказывались от диалогов с остальными, тем самым блокируя возможность достижения единого группового решения. В целом дискуссии в данных группах проходили весьма напряженно, ведущему необходимо было обращать внимание участников на регламент и очередность высказываний.

Типичной позицией членов таких диад было уважение к закону в силу страха перед формами его осуществления: Хайнц не прав, так как его теперь неизбежно посадят, а ведь нет ничего страшнее суда, тюрьмы или других форм наказания. («Перед тобой закон, это всегда закрытая дверь».)

Тем не менее и в этих группах в ходе дискуссий проявился феномен моральной регрессии участников, находящихся на высоких уровнях развития индивидуального морального сознания.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что общее предположение об устойчивости уровня морального развития как структуры личности, не зависящей от группового влияния, не подтвердилось: в ситуациях групповой дискуссии участники изменяли свои моральные суждения и соглашались с мнением группы. При этом участники с исходно более высоким уровнем развития индивидуального морального сознания гораздо легче регрессировали, нежели повышали свой уровень участники, находящиеся на более низком уровне. Таким образом, принимаемое участниками в ходе дискуссий групповое моральное решение в большей степени отражало регресс исходно «высокоморальных» участников.

Другое предположение исследования, фактически состоявшее в том, что поведение участника групповой дискуссии при выработке и принятии групповых моральных решений более согласуется с реальной моделью субъекта, нежели с моделью, предложенной в рамках когнитивного подхода, подтвердилось: в ситуациях столкновения индивидуальных позиций участники групповых дискуссий проявляли ограниченную рациональность, склонность к оппортунизму и пассивность.

Ограниченная рациональность участников проявлялась в ситуациях, когда, находясь на более низком уровне морального развития, они не располагали достаточными ресурсами для понимания аргументов более высокого уровня. В большинстве случаев участники дискуссий с большей легкостью регрессировали в своем уровне, нежели анализировали и признавали правоту аргументов участников более высокого уровня.

Иными словами, участники с низким уровнем морального сознания не могли в полной мере ориентироваться в аргументах и позициях участников более высокого уровня. В целом их познавательная активность была направлена на сохранение когнитивного баланса, а не на поиск новой информации. Представляется, что в совокупности с описанным выше феноменом моральной регрессии данная характеристика подтверждает, что моральное сознание не является исключительно когнитивной структурой.

Склонность к оппортунизму проявлялась в том, что когда участникам более высокого уровня морального сознания было выгодно поддержать решение группы более низкого уровня с целью повышения своего внутригруппового статуса, они легко отказывались от своего предыдущего суждения. В большинстве случаев участники, имевшие высокий уровень морального развития и обладающие одновременно высоким социометрическим статусом, при рассогласовании своей позиции с позицией большинства поддерживали мнение группы и отказывались от своих аргументов. Причины этого могли быть различны, и, будучи ограничены рамками данной статьи, мы не имеем возможности подробно на них останавливаться. Но подчеркнем, что подобный факт явно противоречит когнитивным теориям морали и позволяет с уверенностью сказать, что групповая ситуация может быть значимым фактором, влияющим на уровень развития индивидуального морального сознания и его проявления.

Пассивность моральных суждений была более свойственна участникам с низким уровнем морального сознания и проявлялась в том, что в ходе групповых дискуссий они не были склонны к сбору и анализу новых данных и аргументов от участников с более высоким уровнем развития

морального сознания. Они проявляли высокую устойчивость к чужим аргументам, и даже когда их позиция была лишена рационального основания, все равно продолжали ее отстаивать. Также эти участники не были склонны искать дополнительные причины и обоснования своей позиции. Фактически их удовлетворял более доступный, а не более верный тип аргументации. Несмотря на то что дискуссии протекали достаточно оживленно, такие участники крайне редко выделяли в своих аргументах позицию оппонента и критически оценивали ее, тем самым повышая когнитивную сложность собственных суждений.

Заключение

Проведенное нами исследование морального функционирования группы выносит на рассмотрение множество вопросов, которые обсуждались, но не нашли своего эмпирического воплощения в современной психологии морали.

Одним из главных вопросов является устойчивость индивидуального уровня развития морального сознания. Как мы видим, когнитивный подход к моральному функционированию субъекта, сформировавшийся на основе концепции стадийного развития морального сознания Л.Колберга, не может являться достаточным для объяснения тех процессов, которые протекают в условиях принятия группового морального решения. Групповой контекст, очевидно, задает динамику индивидуальных моральных суждений.

Помимо данных, так или иначе согласующихся с выдвинутыми гипотезами, в рамках проведенного исследования были обнаружены феномены, требующие дополнительной интерпретации и изучения. Наиболее значимым из них является моральный регресс в ходе групповых дискуссий. Несмотря на то что подобный феномен решительно отрицается в когнитивном подходе психологии морали, наше исследование подтверждает тот факт, что индивидуальный уровень развития морального сознания – это не константная величина и зависит от многих факторов, в том числе от влияния группы.

Другим феноменом, требующим дальнейшего эмпирического анализа, является моральная ригидность, которая проявлялась в том, что участники более низкого уровня развития морального сознания гораздо менее охотно, чем участники более высокого уровня развития морального сознания, соглашались с мнением группы. Представляется, что данный феномен может быть напрямую связан с тем фактом, что уровень морального сознания не однозначно зависит от рациональных аргументов и суждений.

Литература

Акерлоф Дж. [Akerlof G.] Рынок лимонов: неопределенность качества и рыночный механизм. THESIS, 1994. №. 5, 91–104.

Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы). Психологический журнал, 1999, 3(20), 5–17.

Аузан А. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория. М.: Инфра-М, 2011.

Бовина И.Б. Групповая дискуссия: Теоретический и прикладной аспект. В кн.: Методы социально-психологического исследования. Кемерово: ЮНИТИ, 2002. С. 131–158.

Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Групповая дискуссия. В кн.: Социальная психология: Практикум. М.: Аспект пресс, 2009. С. 198–223.

Болховер Д. [Bolchover D.] Живые мертвецы. Шокирующая правда об офисной жизни. М.: Добрая книга, 2006.

Зимбардо Ф., Ляйппе М. [Zimbardo G., Leippe M.] Социальное влияние. СПб.: Питер, 2011.

Корнилова Т.В. Экспериментальная психология. М.: Юрайт, 2012.

Кричевский Р. Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс, 2001.

Кэмпбелл Д. [Campbell J.] Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб.: Соц.-психол. центр, 1996.

Майерс Д. [Myers D.] Социальная психология. СПб.: Питер, 2011.

Саймон Г.А. [Simon H.A.] Рациональность как процесс и продукт мышления. Рынок лимонов: неопределенность качества и рыночный механизм. THESIS, 1993, No. 3, 16–38.

Уильямсон О.И. [Williamson O.E.] Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка. В кн.: Теория фирмы. М.: Экон. школа, 1995. С. 33–53.

Фестингер Л. [Festinger L.] Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000.

Chi M. T.H., Ceci, S.J. Content knowledge: Its role, representation, and restructuring in memory development. In: Advances in child development and behavior. Academic Press, 1987. Vol. 20, pp. 91–142.

Colby A., Kohlberg L. The measurement of moral judgment. In: Theoretical foundations and research validation. UK: Cambridge University Press, 1987. Vol. 1, pp. 315–380.

Haidt J. The new synthesis in moral psychology. Science, 2007, 316(5827), 998–1002.

Kohlberg L. The development of modes of moral thinking and choice in the years ten to sixteen. Unpublished doctoral dissertation. University of Chicago, Chicago, 1958.

Kohlberg L., Levine C., Hower A. Moral stages: A current formulation and a response to critics. In: Contributions to human development. Basel: Karger, 1983. Vol. 10, pp. 18–28.

Lapsley D.K. Moral psychology. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

Rest J., Narvaez D. The college experience and moral development. In: Handbook of moral behavior and development. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. Vol. 2, pp. 229–245.

Rest J., Thoma S. Moral judgment development and formal education. Developmental Psychology, 1985, 21(4), 709–714.

Shaw M. Group dynamics: the psychology of small group behavior. New York: McGraw-Hill, 1981.

Snarey J. Cross-cultural universality of social-moral development: A critical review of Kohlbergian research. Psychological Bulletin, 1985, 2(97), 202–232.

Поступила в редакцию 22 июля 2012 г. Дата публикации: 28 октября 2012 г.

[Сведения об авторе](#)

Заикин Виктор Александрович. Аспирант (2012), кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: vicalex7@gmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Заикин В.А. Динамика индивидуальных моральных суждений в контексте групповой дискуссии. Психологические исследования, 2012, 5(25), 10. <http://psystudy.ru>

ГОСТ 2008

Заикин В.А. Динамика индивидуальных моральных суждений в контексте групповой дискуссии // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)